

Вместо политики

Наташа - Санкт-Петербург - Зарис - 1992 - Вып 17-18

«Не хочу умереть некрасивой...»

— Вы бывали в Верховном Совете Литвы! Встретимся там у главного входа. Вот уже три года зритель не видит популярную киноактрису Ниоле ОЖЕЛИТЕ на экране. Хрупкая пышноровослая лирическая героиня сменила амплуа, превратившись в страстного политика.

— Актерство мне надоело давным-давно. Проблемки, которые казались мелкими и ненужными. Упрощенные сюжеты. Сознание того, что удерживаешь зрителя на примитивном уровне, стало невыносимым. Женщина, от природы наделенная огромной духовной силой, выражает себя какими-то унизительными способами. Да без нее ничто невозможно в этом мире. Есть ли хоть один фильм об этом?!

Только одна роль и запала в душу — Розочка из телефильма «Здесь наш дом». Я играла героиню настолько гармоничную, что второй такой в жизни, наверное, просто нет. Благодарные зрители стали даже звать Розочкой. А самый последний раз снималась на «Ленфильме», в роли крестьянки. Деревня, коллективизация. И вдруг приносит мне наша художница костюм — красивая ткань, легкие сапожки, яркие украшения...

— Хотите показать все лучше, чем было на самом деле? — спрашиваю.

— Что вы, этот наряд взят из музея, — отвечает она.

Я стала интересоваться историей нечерноземной полосы и поняла — культура быта на Руси была достаточно высокого уровня, интересна и самобытна. Просто мы ничего не знали об этом. А вернее знали — что до советской власти вообще ничего хорошего не было... Но ведь это же преступление — заставить человека забыть предков. Ему не должно быть безразлично, кем была его бабушка. Если проституткой — и ему падать легче. Если труженицей — это поддержит его в трудную минуту. А с нами просто сыграли противную игру.

...Не получая удовлетворения от ролей, я решила переключиться на встречи со зрителями. Но говорить с ними не о том, что было смешного на съемках. Я хотела быть своего рода священником и под прикрытием обсуждения ролей и просмотра фрагментов мы беседовали о религии, культуре, морали, политике. Так продолжалось десять лет.

Став депутатом Верховного Совета Литвы, продолжаю встречаться теперь уже с избирателями. Стиль встреч сохранился. Мы пятьдесят лет играли политической фразеологией, давно пора перевести все это на человеческий язык. Я и стараюсь, как могу, делать это.

Что такое свобода? Ничего, кроме ответственности на плечах она не сулит — ни ананасов, ни сарделек с неба. На кого-то из Кремля уже собственные неудачи не свалишь. А если украл сосиски с комбината, то не русские тебя испортили, а ты сам — обыкновенный вор. Это трудно переломить в сознании, но я очень хочу, чтобы человек задумался, прежде чем пойти на очередной митинг и орать там.

Мне нравится участвовать в теледискуссиях — причем вместе с кем-нибудь из «крайних». Конечно, такую передачу бывает трудно прожить. У вас телевидение в несколько раз интереснее. Наши телевизионщики больше боятся за свои места. Поэтому в эфире почти все время мелькают «болтающие головы», не имеющие к тому же своего мнения. У меня была передача «Граждане», в которой поднимались острые проблемы. Но ее закрыли.

О женских проблемах. Они почему-то почти всегда приобретают у нас такую трактовку — если ты за женщин, значит, против мужчин. Это азиатское мышление. Когда я беседую

с западными журналистами, они не делают скидку на то, что я женщина. Для них я прежде всего политик. Наши журналисты всегда начинают с одного: «Но вы, как женщина...» Мне не нравится этот уничижительный подход.

А вообще практически по каждому женскому вопросу приходится выдерживать битву. Когда в парламенте утверждали бюджет, я сказала: «Детское молочко стоит слишком дорого. Понимаю, вы уже давно думаете об атеросклерозе, а не о детях. Но я сюда женщин приведу, объясните им, почему не хотите помочь». Что тут началось!.. В конце концов мне сказали: бог с тобой — и, чтобы снизить цену, выделили 70 миллионов.

Сейчас нам грозит закон об аборте. Боюсь, что мужчины-парламентарии поднимут руки за запрет. Так делается политика. Крестьянско-демократическая партия, к примеру, таким образом пытается поднять свой рейтинг. Конечно, проблему надо как-то решать — ввести запрет на поздние сроки, лучше обуждать. Но закон только увеличит количество криминальных случаев.

Я вот сама чуть не совершила недавно ошибку — и не было бы у меня тогда сейчас годовалой Елены.

...Мы живем почти рядом с телецентром и стрельбу тогда услышали одними из первых. В доме все уже не спали. Я начала быстро собираться, чтобы бежать в Верховный Совет. Муж ругался: где это видано, чтобы мужик дома оставался, когда жена уходит туда, где стреляют! Я взяла с него слово, что он никуда от девочек не уйдет, и попросила соседа отвезти меня на машине. Ужасно боялась, что нас где-то задержат, и я не попаду на место. Но приехала вовремя. Стресс был огромный. Мой серебряный браслет чернел каждые полчаса, и я протирала его шерстью. Через какое-то время к своему ужасу вспомнила, что ночью не накрашилась. А я ведь рыжая, у меня светлые ресницы. Подумала, что выгляжу как поросенок. В жизни не выходила на улицу без краски — я же актриса. Я могла все что угодно забыть дома, но не положить в сумку косметику! Села в уголке зала и крашусь. Вдруг подходит ко мне норвежский журналист и с удивлением и страхом спрашивает по-английски: «Что вы делаете?» — «Я не хочу умереть некрасивой...» Этот эпизод попал в книгу, которая вышла в Норвегии. Она так и называется: «Не хочу умереть некрасивой».

Так вот, в те дни мне как депутату пришлось участвовать в похоронах семнадцатилетнего парнишки, единственного сына у родителей. Все убитые лежали во Дворце спорта. А его по желанию родителей отвезли в маленькую церковь на кладбище. В церкви присутствовали только родители и близкие — шесть человек. В жизни я так больше не плакала... Ночью с видеоматериалами, через кордон, без визы я уехала в Норвегию. Проехала ее всю, и в один из дней мне вдруг стало плохо. А когда вернулась домой, узнала, что беременна. Какой ребенок! Возраст, двое детей, работа... Уже договорилась с врачом — и вдруг вспомнила того мальчишку в церкви... Я почему-то была уверена, что родится мальчик. Но у меня стало три дочери. После кесарева сечения через две недели уже вышла на работу. Чтобы не подумали, что раз женщина, так ей все не важно.

Конечно, у меня нет ни одной свободной

минуты. С детьми тоже бываю немного, поэтому главное — качество того времени, которое я с ними провожу. Старших прежде почти всегда брала с собой на съемки. Теперь на встречи с избирателями кто-то из них со мной обязательно едет. Они должны видеть, что то, что я говорю, не отличается от того, что делаю. Это и есть момент истины. Моя шестнадцатилетняя дочь как-то сказала: «Мамочка, я так тобой горжусь!»

Я знаю, что многие женщины стремятся растить детей до семи лет, не работая. Странная, по-моему идея. Ведь чтобы воспитывать ребенка, надо что-то собой представлять. Да, вначале он любит мать интуитивно — она держит на ручках, кормит. А с двенадцатитринадцати лет начинает смотреть иначе: что делает, как оценивают ее другие. Он должен видеть, что ты живешь со смыслом.

Моя мама не была замужем и воспитывала меня самостоятельно. В шестнадцать лет я стала хиппи. Мы ездили автостопом из Риги в Таллинн и чего только ни выделывали. Правда, не пили, не курили, любовью не занимались, но попадали в милицию, гордились тем, что нас фотографировали и — дураки — не понимали, что это чревато. Когда я поступала в консерваторию на актерский факультет, после второго тура меня подзвала старшая знаменитая профессорша и шепотом спросила: «Кто вы?». Потом призналась, что получила из КГБ письмо с пожеланием не зачислять меня на факультет. Она приняла меня назло всем.

Когда я решила прервать артистическую карьеру и стать депутатом, муж отнесся к этому с большим недоверием: «Ты привыкла к свободному распорядку, а тут придется рано вставать каждый день, ехать на работу. Телефон будет звонить, начиная с 6 утра. И столько людей, и столько боли...» Он меня недооценил.

А вообще у нас в семье произошла интересная трансформация. Он прежде был юристом, экспертом по оружию, а теперь стал художником. Собирает у моря редкие камни, инкрустирует их серебром — делает амулеты, другие украшения. Трудится день и ночь. У него уже прошли три выставки.

Побеседовали
Валентина ВАСЕЙКО
и Лариса ДАНИЛОВА